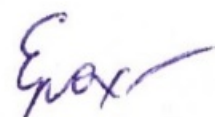

На правах рукописи

Ерохин Владимир Сергеевич

**Нормативно-коммуникационное измерение идентификации личности:
социально-философский анализ**

5.7.7. Социальная и политическая философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук

Саратов
2026

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный консультант доктор философских наук, профессор Невважай Игорь Дмитриевич

Официальные оппоненты:

Пак Галина Станиславовна, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры философии;

Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор кафедры философии и социологии;

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор департамента государственного администрирования.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Защита состоится «17» сентября 2026 г. в 13.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.2.392.04 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. XI, ауд. 515.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского» и на сайте университета <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council/24-2-392-04/normativno-kommunikacionnoe-izmerenie-identifikacii>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Малкина Светлана Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема персональной идентичности и идентификации, ее нормативное и коммуникационное измерение изучается в различных гуманитарных и социальных науках: философии, социологии, психологии, языкознании и правоведении. Во второй половине XX века произошел огромный прорыв в области техники и технологии. Быстрыми темпами развивается техногенная среда общества, в частности компьютерные технологии и средства коммуникации. Все большую актуальность приобретает оказываемое развитие кибер- и виртуального пространства и связанной с ним нормативности, позволяющей регламентировать, определить персону принципиально новым способом. В современном обществе значительно видоизменяются устоявшиеся стереотипы самоотнесения с образцами и регламентирования существования личности в обществе и мире в целом. Человеческая индивидуальность, реализуясь как конкретный уровень проявления социума, легко подвергается изменениям. Более того, следует говорить о персоне как о результате конструирования, реализуемом как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Значимыми видятся глобализационные изменения современного социума, определяющие возможность унификации норм и универсализации ценностей бытия человека.

Проблемным представляется тот факт, что ставшие традиционными способы и модели персональной и коллективной идентификации в современном постиндустриальном и цифровом обществе утрачивают свою эффективность, что требует поиска новых механизмов реализации данного процесса. Происходящий отказ от традиционных ценностей культуры в целом определяет необходимость переосмысления базовых принципов персонального и коллективного существования человека, поэтому идея субстанциализма и фундаментализма может быть переосмыслена в пользу анализа практик персонального существования.

Актуальность данного исследования определяется совокупностью нерешенных вопросов, так или иначе связанных с правом народов на самоопределение, нарушение или непредоставление которого способно повлечь международные вооруженные конфликты, а также необходимостью решения миграционной проблемы, обусловленной с возможностью наступления совокупности негативных последствий на государственном, макросоциальном и межличностном уровнях в виде различного рода конфликтов и дезинтеграции целых социальных групп в систему связей и отношений.

Для российского общества поставленная проблема связана, как показано в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809, с необходимостью сохранения традиционных ценностей как нравственных ориентиров, основания мировоззрения народа, а также способа сохранения, защиты и укрепления суверенитета России. Проблематика детерминирована процессом глобализации, в рамках которого особенным представляется столкновение идеологических оснований и их ресурсов по нормативному навязыванию коллективных и персональных форм идентичности.

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в качестве проблемного обозначается наличие активного деструктивного внешнего воздействия на российские ценности с целью негативного воздействия на индивидуальное и коллективное сознание, а также «вестернизация» отечественной культуры, способные приводить к ряду смежных государственных и национальных проблем. Необходимой представляется выработка мер по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Значимость изучения нормативного измерения персональной идентичности и идентификации может быть связана с поиском критерия приемлемости и допустимости существующих форм и практик персональной идентификации, что дает возможность влиять на способы социальной интеракции и, как следствие, регламентации общественных связей и отношений. В результате, могут быть сформированы и использованы различные методы политики идентичности, призванные создать и сохранить образ «своего» как правильного, социально и культурно значимого. Частным случаем актуальности нормативного измерения персональной идентификации следует считать анализ существующих систем гендерной иерархии для формирования четких ориентиров как основания решения актуальных социальных и государственных проблем.

Важным представляется положение о том, что современные достижения биоинженерии и медицинской трансформации телесности породили дискуссии о трансформации гендера и соответствующих практик идентификации. Однако актуальными представляются исследования, посвященные правовым, психологическим и этическим аспектам преобразований в данной области. Так, частным случаем является доминирование универсалистского подхода к этическому измерению гендерных связей и отношений, в то время как принцип комплиментарности к данному предмету научного изучения практически не разрабатывается.

Ценным мыслится изучение политических практик персональной идентификации. Причиной тому служит ряд факторов, связанных с глобализационными процессами, включенностью все большего числа людей в сферу политической деятельности, появлению новых (в том числе цифровых) форм взаимодействия с государством.

Актуальность изучения коммуникативного измерения персональной идентичности и идентификации состоит в поиске одного из важнейших критериев человеческих принципов существования, общих норм совместного существования персон. Значение коммуникации в современном обществе заключается в выявлении полноценного, единого, интересубъективного основания взаимодействия между различными социальными субъектами и персонами, которые так или иначе достигли личностной идентификации. Сохраняется возможность диалогической формы отношений между персонами как субъектами общественных отношений на основании принципов равенства сохранения личного достоинства человека. Анализ социальных практик дает возможность изучить трансформации персональной идентичности,

соответствующие историческому и культурному состоянию. Получаемые знания позволяют реализовать в различных формах и способах процесс достижения персональной идентификации и изучать ее трансформации.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о сущности персональной идентичности рассматривается в различных фундаментальных и прикладных исследованиях. В истории философии вопрос о природе личности и ее идентичности ставился в различные эпохи. В рамках античного мировоззрения понятие личности, предполагающее развитую субъективность, уникальность и свободу человека, еще не возникает, однако, начиная с идей Протагора и Сократа, появляется тенденция к признанию значимости самостоятельной личности. Понятие «личность» впервые становится предметом изучения философии в средневековой христианской мысли, в рамках которой формировалось теоцентрическое понимание данного понятия, а человек мыслился как персона, созданная по образу и подобию Бога. Так, А. Августин высказывал идею о становлении человека как личности посредством преодоления себялюбия через любовь к Богу, а также становления моральной личности с помощью благодати.

Эпоха Возрождения характеризуется антропоцентризмом, выражающим примат индивидуализма, раскрепощенности личности и реализации ее творческих способностей. Человек трактовался как высшая ступень бытия, что сказывается на целостном его восприятии. Он еще не полноценная личность, но высоко организованное животное, лишенное статуса образа и подобия бога. В новоевропейской философии под влиянием декартовской концепции личность отождествлялась с сознанием. Лейбницианская идея совести как важного свойства личности, локковское тождество личности с самосознанием, берклианская синонимичность с духом, кантовское нравственное понимание персоны – вот лишь неполный перечень вариантов решения проблемы человека и его личности в новоевропейской мысли. Данное понятие утвердилось в качестве одной из ключевых философских категорий.

В дальнейшем, в рамках гуманизма нового и новейшего времени, признавалось право человека на свободу (например, экзистенциализм), развитие и проявление творческих способностей. В философии существования признается проектная природа человека, включающая в себя идею о самостоятельном, свободном творении личностью самой себя. Реализуются идеалы индивидуализма и возвышенности личности. Представители персонализма трактуют личность как инстанцию, не сводимую ни к природе, ни к обществу, признают за ней высшую ценность, в то время как вся реальность трактуется в качестве производной от творческой активности абсолюта. В русской религиозной философии персона трактовалась через призму соборности, коллективизма и религиозной духовности.

Понятие идентичности берет свое начало в трудах Дж. Локка, изложившего классическое решение проблемы самоидентичности человека и личности: оно состоит в том, чтобы понять, каким образом может сохраняться во времени то, что мы могли бы назвать персональной идентичностью. Проблема персональной идентичности решалась в рамках различных

концепций, среди которых имеет смысл выделить персонализм, экзистенциализм, а также ряд других. Среди прочих ценной является семиотическая концепция, в контексте которой решение проблемы самоидентичности трактуется через отображение внешнего референта и выделение знаков идентичности. Центральным оказывается отделение свойств от вещей в форме актуализации знаков с последующей категоризацией вещи¹. Персональная идентификация, таким образом, становится системой знаков, на основании которых субъект относит себя к конкретному воображаемому сообществу.

В рамках современной философской традиции проблема идентичности и идентификации решается через анализ частных, прикладных аспектов самоидентичности личности. Высказывается принципиальная идея о субстанциальной сущности персоны с указанием на наличие сущностных свойств отдельного субъекта. Так, Е.Дж. Боровски² определяет сущность процесса идентичности, указывая на наличие у персоны субстанциальных свойств. Д. Парфит³ анализирует содержание персональной идентичности с психологической точки зрения. В.С. Буяновым⁴ изучаются политологические формы идентификации и идентичности. Существует ряд других исследований, в которых по-разному трактуются проблемы персональной идентичности и идентификации. Так, В.И. Пузько⁵ указывает на важность процесса самопонимания в процессе конструирования персонального бытия. Однако все представленные точки зрения не позволяют учитывать динамику становления персональной идентичности личности.

Изучение понятия «норма» реализуется в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Отмечается многоаспектность данного понятия. Существенными оказываются расхождения в содержании трактовки понятия «норма» и ее связь не только с социальной природой человека, но, в первую очередь, с естественным принципом меры. Возникает столкновение представленных значений, что затрудняет понимание сущности нормы как регулятора общественных отношений и выражения сущности человека. В науке сложилось фундаментальное направление нормологии, центральным принципом которой следует считать идею о нормативной детерминации мышления и поведения человека. Так, М.В. Моррис, И.-И. Хонг, К.-И. Чиу и З. Лиу⁶ высказали утверждение о связи между нормами как социальными образцами и поведением как человека, так и целой социальной группы. Т.Дж.

¹ Бразговская Е.Е. Семиотика идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 108–115; Лукьянова Н.А. Семиотическая сборка субъекта в социальном конструировании // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. С. 155–167.

² Borowski E.J. Identity and personal identity // Mind. New Series. Vol. 85. No. 340. P. 481–502.

³ Parfit D. Personal identity // The Philosophical Review. Vol. 80. No. 1. P. 3–27.

⁴ Буянов В.С. Идентичность современной России: проблемы формирования // Вопросы политологии. 2012. № 2 (6). С. 80–81.

⁵ Пузько В.И. Принцип самопонимания в конституировании личностного бытия в условиях мультикультурности и транскulturности // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2010. №3. С. 16–21.

⁶ Morris M.W., Hong Y.-y., Chiu C.-y., Liu Z. Normology: Integrating insights about social norms to understand cultural dynamics // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2015. Vol. 129. P. 1–13.

Терри и М.А. Хогг⁷ предложили идею о высокой ценности усвоения групповых норм для повышения идентификации с конкретной группой. Ряд других исследователей, среди которых Г.Р. Патерсон и Т.Дж. Дишион, трактуют нормативность как форму принуждения, запрещающую различные формы антисоциального поведения, а также психологическую склонность человека к насилию⁸.

Среди отечественных мыслителей значимым представителем направления нормологии следует считать В.Д. Плахова⁹, который исходит из онтологического понимания нормы как феномена, который содержит в себе информацию об организации и поведении субъекта. Мыслитель адаптирует представленное понимание к общественной действительности, указывая на возможность нормативного описания персонального и коллективного существования. Отметим таких специалистов в области теории норм, как Л.Г. Ефанова¹⁰, Е.В. Попова¹¹, К.Ю. Добрин¹² и ряд других. Учеными утверждается положение о норме как характеристике средней величины случайных событий или явлений. Такой подход представляется неэффективным, поскольку не дает возможности различить в полной мере естественные законы и социальные нормы. И.Д. Невважаем¹³ развивается семиотическая концепция норм, предлагается анализ феноменологической традиции и заявляется необходимость анализа норм с точки зрения соотношения знака и значения в их структуре. Кроме того, норма трактуется ученым как выражение конструктивной природы человека.

Е.В. Попова, Н.Ю. Завьялова и А.Н. Руденко¹⁴ определяют содержание и особенности социальных норм. А.А. Карагордин¹⁵ изучает прикладные вопросы нормативности в юридической лингвистике. В.В. Оглезнев и И.П. Тарасов¹⁶ анализируют нормативные свойства юридических понятий. Все представленные научные труды содержат в себе решение прикладных вопросов, связанных с юридической или лингвистической сферой. Вместе с тем

⁷ Terry T.J., Hogg M.A. Group norms and the attitude-behavior relationship: a role for group identification // Personality and social psychology bulletin. 1996. No 2. P. 776–793.

⁸ Patterson G.R. A Social Learning Approach. Vol. 3. Coercive Family Process. – Eugene, OR: Castalia Publishing Company, 1982. 368 p.; Dishion T.J., Patterson G.R. The Development and Ecology of Antisocial Behavior: Linking Etiology, Prevention, and Treatment // Developmental Psychopathology. Volume Three: Risk, Disorder, and Adaptation / edited by D. Cicchetti, D. J. Cohen. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2016. P. 503–541.

⁹ Плахов В.Д. Социальные нормы: философский анализ общей теории. М.: Мысль, 1985. 253 с.

¹⁰ Ефанова Л.Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 70–78.

¹¹ Попова Е.В. Содержание понятия «норма»: основные смыслы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 108–112.

¹² Добрин К.Ю. Социальная норма в традиционном и современном обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. №1 (26). С. 116–121.

¹³ Невжай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. №6 (335). С. 68–86.

¹⁴ Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н. К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 213–216.

¹⁵ Карагордин А.А. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 469–480.

¹⁶ Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №4 (12). С. 101–110.

недостаточно широко изученным остается вопрос о содержании социальной нормативности и ее связи с персональной идентификацией.

Проблемность коммуникационного процесса связывается с рядом аспектов, главным среди которых имеет смысл считать противопоставление внешнего (технического) и внутреннего (человекообразного). Значимым видится разведение понятий «общение» и «коммуникация», что приводит к многообразию трактовок коммуникационного процесса. Вопрос о сущности коммуникации разрабатывался рядом отечественных и зарубежных исследователей. Так, К.-О. Апель¹⁷ предлагает интеграционное понимание коммуникации, утверждает наличие первоначального множества контекста, совокупности значений как основания взаимного понимания субъектов коммуникации. Н. Луман¹⁸ анализирует сущность коммуникации с точки зрения аутопоэзиса и сводит ее содержание к единству сообщения, информации и понимания. Ю. Хабермас¹⁹ предложил понимание коммуникативного действия как основания согласования, координации интересубъективных форм взаимодействия социальных субъектов на основании рациональной интерпретации. М. Маклюэн²⁰ обосновал расширительное понимание коммуникации как культурных, социальных технических форм освоения мира.

Анализ фундаментальных концепций коммуникативного процесса позволил ряду отечественных мыслителей сформировать коммуникативный подход, в рамках которого принципиальным является положение об изучении социальных феноменов и процессов через призму возможности трансляции информации. Формирование и развитие данного подхода реализуется в коммуникативной теории права Л.И. Петражицкого²¹, научном творчестве современных представителей Петербургской школы философии права (например, – А.В. Полякова²²), а также ряда других видных ученых, среди которых особое место занимает С.В. Тихонова²³. Коммуникация в рамках научных достижений ученых трактуется как основание взаимного понимания субъектов правового процесса. Признается положение о необходимости добровольного возложения на себя обязанностей, сообщаемых правам Другого, как ответа на ожидания по поводу собственных прав.

Кроме того, С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов²⁴ демонстрируют применимость авторского коммуникативного подхода к анализу ряда социальных феноменов и институтов цифровой среды. Так, социальные медиа трактуются исследователями в качестве арен, дающих возможность

¹⁷ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.

¹⁸ Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

¹⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 380 с.

²⁰ Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешнее расширение человека. М., 2007. 464 с.

²¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909.

²² Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дисс... д-ра юрид. наук / А.В. Поляков. СПб., 2002. 94 с.

²³ Тихонова С.В. Идеальные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 25–47; Тихонова С.В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху: дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов., 2024. 433 с.

²⁴ Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Цифровая мифология медиапамяти // Наука, технологии, ценности в неустойчивом мире. М., 2024. С. 754–757.

структурировать процессы производства исторического знания. Такие арены интерпретируются в качестве среды, в которой циркулируют различные аксиологические нарративы, позволяющие конструировать различные (в том числе политические) коллективные идентичности.

Особое значение представляет концепция понимания коммуникации, предложенная А.Ю. Антоновским²⁵. Автор предложил расширительное понимание данного феномена как общения, предполагающего трансляцию любой информации (в том числе в животной среде, в системе ЭВМ и прочих). Сущность коммуникации анализировалась также Н.С. Мудрагеем²⁶, Л.Е. Моториной²⁷, И.В. Гаузером²⁸ и рядом других отечественных исследователей. Учеными утверждается наличие поверхностного и экзистенциального уровней коммуникационного процесса, определяется его связь с развитием средств трансляции знаний. Эволюционный принцип развития коммуникации описывается А.В. Назарчуком²⁹. Роль коммуникации в процессе социализации уточняется З.Н. Хабибулиной³⁰. Кроме того, интересной представляется концепция понимания коммуникации, предложенная О.В. Костиной³¹, в рамках которой данный феномен трактуется как смыслообразующий фактор человеческого бытия, дающий возможность выявить и проявить самость персонального и коллективного бытия.

В научной литературе отмечаются различия между общением и коммуникацией³², а также различия в передаче данных в среде животных и социальных условиях³³. Однако, имеет место большое количество разнородных и порой содержательно противоречивых подходов к определению сущности коммуникации, что затрудняет ее понимание. И хотя существуют публикации на эту тему, к примеру, А.А. Муханалиевой³⁴, тем не менее слабо рассмотрены положения о связи социальной нормативности и коммуникации.

Практическое применение понимания сущности нормы и коммуникации усматривается в интересубъективных связях и отношениях. Проблемной является конструктивистская трактовка интересубъективности в феноменологической концепции «Я – Другой» (Э. Гуссерль и некоторые другие мыслители), суть которой определяется выделением активного синтеза и

²⁵ Антоновский А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. №1. С. 5–24.

²⁶ Мудрагей Н.С. Коммуникация как мера человечности // Философия науки и техники. 2012. Т. 17. №1. С. 143–155.

²⁷ Моторина Л.Е. Феномен коммуникации в жизни современного человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №3-1. С. 6–10.

²⁸ Гаузер И.В. Коммуникация в рамках социологической и культурологической парадигм // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6. №1. С. 146–151.

²⁹ Назарчук А.В. Эволюция понятия коммуникация в социальной мысли XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия, 2012. №1. С. 48–49.

³⁰ Хабибуллина З.Н. Роль коммуникации в социализации личности // Бюллетень науки и практики 2018. Т. 4. №11. С. 537–541.

³¹ Костина О.В. Онтология коммуникации / О.В. Костина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 152 с.

³² Агалцев А.М. Общение и коммуникация // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. Вып. 4. С. 319–325.

³³ Иваницкий В.В. Коммуникация у животных: теория и факты // Русский орнитологический журнал 2009. Т. 18. Экспресс-выпуск 470. С. 407–425.

³⁴ Муханалиева А.А. Нормативное коммуникативное поведение // *Lingua mobilis*. 2012. №4 (37). С. 68–72.

способностью субъекта навязывать собственные нормативные основания воспринимаемому субъекту. Все это приводит к затруднениям в коммуникативном процессе, что требует отдельного анализа для минимизации негативных последствий подобных реалий.

Так, отечественные исследователи, например, И. Полещук³⁵ или В.М. Половникова³⁶, анализируют содержание пассивного синтеза в трудах Э. Левинаса, понимая под ним способность персоны к усвоению внесубъектных оснований бытия персоны. Д.И. Дубровский³⁷ предметом своего изучения сделал конструктивизм Э. Гуссерля и его центральную идею активного синтеза как способности личности к формированию общей картины мира и организации alter ego через аналогическую аппрезентацию исходя из сферы субъективности его. Обе точки зрения ограничены в своем содержании, поэтому значимым представляется изучение единства пассивного и активного синтеза как основания нормативности и коммуникации персональной идентичности и идентификации.

Понятие «практика» является предметом философского и прикладного изучения в различных прикладных областях. Содержательно отметим затруднения в понимании значения данного понятия, поскольку ученые, занимающиеся его анализом, сводят сущность практики к дисциплинарным отраслям знания. Изучением сущности практик занимались зарубежные классики философской мысли, среди которых непременно следует отметить К. Маркса и его трудовую концепцию практики, а также П. Бурдьё³⁸ с его деятельностной концепцией. Среди отечественных мыслителей сущность практик является предметом изучения в работах Н.М. Плотниковой³⁹, А.А. Дьякова⁴⁰, В.И. Родионовой⁴¹ и ряда других ученых. Авторами исследуется трудовая (в трудах А.А. Дьякова), деятельностная (у В.И. Родионовой) концепции практик, а также обозначается узкоспециальное их применение (в работах Н.М. Плотниковой). Вопрос о сущности социальных практик стал центральным в трудах Ю.М. Резника⁴² и С.С. Шугальского⁴³, в которых потенциал данного понятия исследуется в контексте повседневности. Однако

³⁵ Полещук И. Понятие интересубъективной темпоральности в философии Левинаса // Левинас Э. Путь к Другому. Сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб., 2006. С. 2–36.

³⁶ Половникова В.М. Я и Другой: концепции М. Бубера и Э. Левинаса // Эпистемы-2: матер. межвуз. семинара: альманах / сост. и общ. ред. Н.В. Брянник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 92–96.

³⁷ Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Вопросы философии. 2008. №1. С. 19–28.

³⁸ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 552–553.

³⁹ Плотникова Н.М. Социальные практики как средство профессионального воспитания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. №4. С. 17–21.

⁴⁰ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 8–12.

⁴¹ Родионова В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики» в современной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №6 (44): в 2 ч. Ч. 1. С. 170–173.

⁴² Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Интелрос. 2008. №4/6. С. 84–102.

⁴³ Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание Понимание. Умение. 2012. №2. С. 277–278.

недостаточно изученным остается вопрос о нормативной природе социальных практик.

Проблемное поле гендерных практик персональной идентификации может быть связано с их историческими и современными трансформациями, что требует выявления соответствующих оснований. Кроме того, значимым следует считать возможность и необходимость сохранения традиционных форм гендерных практик для поддержания социальных, культурных, исторических и иных ценностей.

Актуальные вопросы гендерных практик решались в трудах Г.Г. Силласте, В.Л. Нестеровой и С.Т. Баранова⁴⁴, Х. Хартман⁴⁵, С.В. Мелкова и А.В. Кудриновой⁴⁶ и ряда других отечественных и зарубежных авторов. В различных исследованиях изучаются психологические, социальные и экономические основания гендерной идентичности, однако практически не рассматриваются вопросы, связанные с нормативным измерением гендерной самоидентичности и практик ее достижения. Значимым представляется изучение практик гендерной идентификации с точки зрения их двойственной нормативной природы, позволяющей трансформировать индивидуальные и социальные способы существования персоны.

Вопрос о политической идентичности и идентификации определяется необходимостью выявления соответствующих признаков субъекта. Проблемной является множественность трактовок политического и ряда смежных концептов, среди которых выделим «цивилизационную», «гражданскую», «партийную», «государственную», «национальную», «этническую» идентичность, «политику идентичности» и др. Существует ряд научных публикаций, посвященных содержанию политической идентичности и идентификации. К ним можно отнести работы И.С. Семененко⁴⁷, Т.А. Корниенко⁴⁸, А.А. Алаудинова⁴⁹ и других ученых. Отдельно изучаются формальная и содержательная стороны политической персональной идентичности. Проблематике содержания гражданской идентичности и идентификации посвящены, в частности, работы Д.В. Монастырского⁵⁰, Т. Водолажской⁵¹, В.Н. Ефименко⁵². В рамках указанных исследований изучается связь политической, гражданской, национальной и этнической персональной и

⁴⁴ Нестерова В.Л., Баранов С.Т. К вопросу о динамике гендерных стереотипов в современном постиндустриальном обществе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 61–69.

⁴⁵ Hartman H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. No. 1. P. 137–169.

⁴⁶ Мелков С.В., Кудрина А.В. Эволюция представлений о гендере и гендерной идентичности в психоанализе от истоков до 1990–х годов // Развитие личности. 2015. №2. С. 96–119.

⁴⁷ Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.

⁴⁸ Корниенко Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. №2 (16). С. 61–69.

⁴⁹ Алаудинов А.А. Роль политических институтов и практик в формировании общенациональной политической идентичности в России // Теория и практика общественного развития. 2014. №20. С. 114–116.

⁵⁰ Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий юга России. 2017. Том 23. №1. С. 181–188.

⁵¹ Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. №5-6 (43 – 44). С. 140–142.

⁵² Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 250–254.

коллективной идентичности и идентификации. Вместе с тем слабо разработанной представляется проблема коммуникативной и нормативной природы политической и гражданской идентичности и идентификации.

Объект и предмет исследования. *Объектом* данного исследования является процесс формирования личностного бытия. *Предметом* исследования выступают практики самоопределения личности в нормативном и коммуникационном измерении.

Цель и задачи исследования. *Целью* работы является социально-философский анализ нормативной и коммуникативной природы персональной идентификации личности.

Реализация данной цели требует решения следующих *задач*:

1. Дать сравнительный анализ существующих подходов к содержанию персональной идентификации личности, выделить их общую черту.

2. Определить содержание понятия «социальная нормативность», выявить принцип ее эволюционного развития.

3. Соотнести понятия «персональная идентификация» и «социальная нормативность».

4. Проанализировать содержание понятия «коммуникация» как социального феномена, провести соотношение понятий «социальная нормативность» и «коммуникация».

5. Выявить нормативные основания intersубъективных отношений.

6. Определить нормативную природу социальных практик, проанализировать тенденции трансформации социальных практик персональной идентификации.

7. Исследовать нормативную природу гендерных практик персональной идентификации.

8. Проанализировать нормативную и коммуникационную природу политических практик персональной идентификации.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Впервые осуществлен сравнительный анализ субстанциального, реляционного, конструктивистского, социального интеракционизма как подходов к определению содержания персональной идентификации.

2. Проанализировано содержание понятия «социальная нормативность», впервые сформулирован эволюционный принцип ее изменения.

3. Определено соотношение понятий «персональная идентификация» и «социальная нормативность», обосновано введение и использование понятий «экзогенная нормативность» и «эндогенная нормативность», а также несводимость (самостоятельность) эндогенной нормативности к ее экзогенной форме.

4. Проанализировано содержание понятия «коммуникация», определена двуединая нормативная природа коммуникационного процесса, а также его высокий эвристический потенциал для анализа нормативной природы практик персональной идентификации.

5. Впервые нормативные основания intersубъективных отношений определяются через единство активного и пассивного синтезов, содержащих в себе ресурсы экзогенной и эндогенной нормативности.

6. Показано, что нормативная природа социальных практик персональной идентификации выражается в единстве экзогенных и эндогенных норм. Это позволяет личности адаптировать персонально значимые модели поведения к актуальным условиям социального бытия, то есть согласовывать их с внешними требованиями общественной системы.

7. Впервые продемонстрировано, что нормативная природа гендерных практик персональной идентификации трактуется как единство экзогенных и эндогенных нормативных оснований бытия личности. Первое выражает совокупность нормативно закрепленных оснований гендерной стабильности общества, второе отражает способность персоны к самовыражению в системе гендерных статусов и ролей.

8. Впервые показано, что нормативная природа политических практик персональной идентификации состоит в единстве трансляции формально закрепленных статусов и ролей персоны в политическом сообществе через воображаемые сообщества с их эмоциональным переживанием персоной. Коммуникативная природа политической идентификации личности реализуется в форме взаимного влияния политических субъектов и личности как участника политического процесса.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в глубоком и систематизированном понимании социальной нормативности и коммуникации как социального феномена в процессе достижения личностью персональной идентификации в системе современного общества.

Материалы и результаты диссертации расширяют и углубляют философский научно-категориальный аппарат. Содержание и выводы исследования могут найти применение в общетеоретических и специальных курсах философии. Результаты диссертационного исследования могут стать теоретической и методологической основой для дальнейших прикладных исследований и принятия политических решений в области формирования государственной и национальной политики идентичности, политических стратегий коммуникации, современной международной политики, разрешения межнациональных конфликтов, проблем демографии, структурирования семейных отношений и в ряде других областей. Перспективным представляется применение предложенного метода к исследованию формирования личностной идентичности в цифровой среде. Представленная нами методология имеет высокий эвристический потенциал для анализа особенностей процесса цифровизации, дифференцирования субъектов коммуникации в цифровой среде, а также ряда сопутствующих научно значимых и прикладных проблем. Возможно использование основных идей диссертационного исследования в курсах по социальной философии, философии культуры, а также в спецкурсе «концепции и парадигмы социальной философии». Основные идеи диссертации

могут быть использованы при составлении учебных и учебно-методических пособий по философии и культурологии.

Методология и методы исследования. При проведении диссертационного исследования применялось несколько групп общенаучных и специальных методов, выбор которых детерминирован необходимостью реализации поставленных в работе задач. Так, в процессе изучения существующих подходов к определению содержания персональной идентификации применялись общелогические методы: анализ, дающий возможность выявить содержание каждого из подходов, сравнительный метод, позволяющий выявить их общие черты и различия, а также критический метод, дающий возможность выявить преимущества и недостатки данных подходов.

Социально-философский подход как методология исследования применяется для анализа значимых для диссертации понятий. Методологической основой изучения содержания понятия «норма», а также его соотношения с понятием «персональная идентификация» стал нормативистский подход, дополненный элементами экзистенциального и конструктивистского анализа. Первый, реализуемый в явной форме в идеях Г. Кельзена, традиционно критикуется за избыточный формализм в понимании юридических норм. Конструктивистский и экзистенциальный подходы своим недостатком имеют избыточный субъективизм в трактовке персонального бытия. Предпринятый в диссертационном исследовании синтез данных подходов позволяет нивелировать их недостатки, высказать идею о норме как выражении конститутивной природы человека, его способности формировать практики персональной идентификации, высказать положение о самостоятельности эндогенной нормативности и ее несводимости к экзогенному инварианту, а также нивелировать конфликт между соответствующими нормативными основаниями персонального бытия. Теоретическим основанием изучения соотношения понятий «норма» и «персональная идентичность» составили труды Т.Дж. Терри, М.А. Хогг, В.Д. Плахова, И.Д. Невважая и ряда других зарубежных и отечественных ученых. Основанием анализа нормативных оснований intersubjectивных отношений являются социально-феноменологические концепции Э. Гуссерля, А. Райнаха и Б. Вандельфельса, Э. Левинаса.

Предложенная нами методология, включающая в себя преимущества нормативистского, конструктивистского и экзистенциального подходов, может применяться для анализа различных практик персональной идентификации (цифровых, профессиональных, этноконфессиональных, эстетических, производственных и ряда других). Выбор гендерных и политических практик и их анализ в рамках диссертационного исследования определяется их актуальностью на уровне проводимой в России государственной политики идентичности и политики памяти, целью которых является сохранение традиционных ценностных ориентиров. Кроме того, изучение данных практик персональной идентификации позволяет в наиболее яркой, выпуклой форме продемонстрировать эффективность предложенного научного метода.

При анализе концепта «коммуникация» применялся логический метод, дающий возможность выявить существенные свойства данного процесса, а также элементы компаративистского анализа, позволяющего отделить содержание коммуникативного процесса от иных форм трансляции информации. Теоретическим основанием изучения коммуникационного процесса следует считать труды Н. Лумана, Ю. Хабермаса, М. Маклюэна.

В процессе анализа сущности практик использовался логический метод, теоретическим основанием послужили труды К. Маркса и П. Бурдьё, а также ряда отечественных исследователей, посвященные рассматриваемой научной проблеме.

Анализ гендерных и политических практик персональной идентификации осуществлялся на основании критического подхода, а также принципа философской дополнительности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ряде классических подходов к решению проблемы личностной идентификации (субстанциализм, релятивизм, конструктивизм, социальный интеракционизм) центральным является вопрос о содержании понятия «самость», выражающего совокупность признаков, с которыми отождествляет себя личность. Различие между существующими подходами к рассматриваемой проблеме выражается в том, какие предлагаются решения вопроса о соотношении предзаданных и формируемых признаков самости личности. В диссертации обосновывается положение о детерминации нормативными основаниями бытия личности процесса достижения ее персональной идентичности. Самость интерпретируется как то, что конституируется в процессе жизни.

2. Понятие «социальная нормативность» интерпретируется как выражение конструктивной природы человека, средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности. Она трактуется как возможность достижения компромисса, конвенции между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющая обеим сторонам общественного процесса реализовать свои требования и возможности. Социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, задающее способы бытия человека как существа общественного. Эволюционный принцип развития социальной нормативности состоит в переходе ее от аскриптивности к дескриптивности, но при сохранении минимально необходимых аскриптивных ее элементов.

3. Соотношение нормативности и персональной идентификации решается через выделение экзогенной и эндогенной нормативности в социальном бытии персоны. Эндогенная нормативность мыслится как совокупность (система) персонально конституируемых норм и набор характерных для этой системы свойств, что способствует самореализации персоны. Экзогенная нормативность понимается как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые. Это выражает

коллективные требования к общественному бытию персоны. Ценность самореализации персоны и значимость стремления к безопасности и стабильности общества позволяет говорить о несводимости (а значит – самостоятельности) эндогенной нормативности к ее экзогенному инварианту. Предложенные понятия содержат указание на потенциальный конфликт между эндо- и экзогенными нормативными основаниями бытия личности, однако позволяют указать на возможность согласования персональных интересов и общественных требований в процессе формирования персональной идентичности человека.

4. Возможность достижения компромисса между коллективным и индивидуальным, а также достижение человеком персональной идентичности предполагает необходимость коммуникации, которая в рамках коммуникационного подхода трактуется как внешнее проявление процесса общения, выраженное в социально приемлемых, эффективных, рационально отобранных способах и формах передачи информации и обмена ею между субъектами социального взаимодействия. Коммуникация трактуется как информационно-инструментальное взаимодействие, позволяющее создавать нормативные основания социальной интеракции агентов и обмен информации между ними. Такая трактовка позволяет объяснить двуединый процесс реализации нормогенеза с одной стороны и интериоризацию личностью имеющихся норм, создание ею эндогенной нормативности для формирования персонально значимых свойств – с другой. Двуединая нормативная природа коммуникационного процесса реализуется в единстве экзогенных и эндогенных его оснований. Первое связано с регламентацией внешних форм трансляции информации, второе – с возможностью самовыражения персоны и ее способностью к обмену информацией. Становится возможным социальное соглашение, цель которого – достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами.

5. Персональная идентификация в системе «Я – Другой» реализуется на основании единства пассивного и активного синтеза нормативных оснований бытия отдельных субъектов. Активный синтез связывается с экзогенной нормативностью, предполагающей навязывание требований к персональной идентичности и нивелирующей личностное начало. Полагается подчиненность персоны внешним правилам существования. Пассивный синтез, выраженный в эндогенной нормативности, позволяет увидеть в Другом равного субъекта, способного определить собственное положение в общественной системе. Появляется возможность сохранения общих принципов совместного существования личностей как субъектов intersубъективных отношений, их коммуникации. Единство описанных нормативных оснований дает возможность достигнуть устойчивости процесса идентификации личности, а также избежать множества издержек столкновения интересов социальных субъектов.

6. Понятие «социальная практика» выражает деятельность человека, направленную на трансформацию окружающей действительности, адаптацию преобразовательных действий человека к повседневности, социальному

контексту. Содержание данного понятия включает в себя необходимость соединения экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующих формы и методы достижения персональной идентичности. При этом реализуется возможность согласования поведения персоны, основанного на эндогенной нормативности, с экзогенными требованиями социальной системы. Существующие тенденции трансформации социальных практик персональной идентификации (стандартизация, массовизация, виртуализация и симулякризация) содержат в себе элементы доминирования внешней нормативности над внутренней, что в некоторых случаях становится основанием заимствования субъектом принципов организации практик персональной идентификации извне, без создания собственных аналогов и способов самовыражения.

7. Процесс формирования гендерной идентичности основан на закреплении социальных, экономических и психологических ценностей, в соответствии с которыми персона получает возможность вступить в систему семейно-брачных связей и отношений. Нормативная природа гендерной идентификации личности выражает единство экзогенной и эндогенной нормативности. Первая выражается в совокупности внешне детерминированных требований к социально ценному поведению персоны, что приводит к оптимизации процесса принятия значимых решений и обеспечению стабильности гендерной стороны общественной системы. Эндогенные нормативные основания персональной гендерной идентификации способствуют самовыражению личности в системе гендерных статусов и ролей. На их основании становится возможным выбор личностью приемлемых моделей поведения, которые в полной мере позволяют ей выразить персональные интенции. Практическая реализация выведенного эволюционного принципа трансформации нормативного основания практик персональной идентификации позволяет сделать вывод о способности личности к преодолению описанных тенденций трансформации социальных практик, а также к смещению доминирования внутренних норм персональной идентификации над внешними, что приводит к изменениям в статусно-ролевой гендерной самоидентичности персоны.

8. Под политической идентификацией персоны следует понимать процесс ее соотнесения с политически значимыми воображаемыми сообществами (институтами) и вовлечения в соответствующую интеракцию. Политическая идентификация личности представляет собой единство достижения коллективного образа политического бытия и субъективного самоотнесения персоны с ним. Она имеет нормативную природу, одна часть которой формируется в процессе проводимой в государстве политики идентичности и детерминирует достижение персоной формально закрепленных статусов и ролей в политическом сообществе. Другая составляющая нормативной природы политической персональной идентификации реализуется в форме эмоционального переживания личностью своей принадлежности к социально-политической группе, основанного на создании ценностного смысла группового членства. Персональная политическая идентичность имеет

двуединую коммуникативную природу, которая представляет собой результат пассивного восприятия персоной регламентирующего влияния политико-правовых норм и выражение вовлеченности личности в сферу публичной политики как активного актора и ее способности влиять на формирование политически значимых решений.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования.

Основные положения и результаты исследования, а также выводы, содержащиеся в диссертации, были представлены на научных конференциях, среди них: международные научные конференции: «Мир человека: нормативное измерение – 4» (Саратов, 2015), «Мир человека: нормативное измерение – 5» (Саратов, 2017), «Мир человека: нормативное измерение – 6» (Саратов, 2019), «Мир человека: нормативное измерение – 7.0» (Саратов, 2021), «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Саратов, 2020); 2.0 международная научно-практическая конференция «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Саратов, 2020); международная конференция «Бренное и вечное: мифологии и социальные технологии цифровой цивилизации – 2021» (Великий Новгород, 2021); 3.0 международная научно-практическая конференция «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Саратов, 2022); Третий Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «После позитивизма» (Саратов, 2022); международные научные конференции «Мир человека: нормативное измерение – 8.0. Анормальное» (Саратов, 2023), «Мир человека: нормативное измерение – 9. Anormal: pro et contra» (Саратов, 2025); 4.0 международная научно-практическая конференция «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Москва, 2023), «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2024. Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения» (Санкт-Петербург, 2024), «Цивилизационная и культурная идентичность: многообразие измерений» (Самара, 2024); I Всероссийская конференция «Социокультурная идентичность и историческая динамика» (Новосибирск, ИФПР СО РАН, 2025), V Всероссийская научная конференция с международным участием «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 2025).

Основное содержание работы отражено в 38 публикациях автора общим объемом около 20 печатных листов, из них 20 статей в журналах из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Диссертация обсуждалась на кафедре философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Структура работы определяется логикой исследования.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (восьми параграфов), заключения и списка литературы из 408 наименований (включая

49 на иностранных языках). Всего в тексте диссертационного исследования 350 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность избранной темы, выделяются объект и предмет исследования, определяется степень разработанности проблемы; обозначаются цель и задачи исследования; характеризуется научная новизна, выносятся положения на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы; приводятся методология исследования, степень достоверности и апробация результатов.

Первая глава «Нормативность, идентификация, личность: соотношение понятий» посвящена выявлению содержания базовых для концепции понятий «идентификация» и «норма», а также их соотношению. Анализ существующих подходов к проблеме персональной идентификации приводит к формулировке фундаментального положения о детерминации нормативными основаниями бытия личности ее персональной идентичности. Предложенное нами понимание сущности нормы позволяет говорить о конструктивной природе человека и выделить эволюционный принцип развития нормы, выраженный в ее переходе от аскриптивности к дескриптивности. Анализ соотношения персональной идентификации и социальной нормативности приводит к формулировке концептов экзогенной и эндогенной социальной нормативности. Такой подход позволяет достигнуть компромисса между индивидуальным и коллективным и согласовать личностные интересы с общественными требованиями в процессе формирования персональной идентичности человека.

В первом параграфе первой главы «Проблема личностной идентификации: сущность и подходы к решению» демонстрируется актуальность проблемы личностной идентификации по разным основаниям как на глобальном, так и на российском уровнях в историческом, культурном, политическом и иных измерениях. Так, одна группа причин связана с общемировыми процессами информатизации и глобализации, затрудняющими процесс достижения персональной самоидентичности человека. Другая группа причин затрудняет достижение цивилизационной идентичности России. К таким причинам можно отнести полиэтничность России, огромное разнообразие религий, идеологических конструкций, существующих в современном российском обществе, исторические, географические и геополитические причины, а также существующий с XIX в традиционный спор о пути развития России.

Анализ существующих подходов к решению проблемы личностной идентификации (субстанционального, реляционного, конструктивистского, социального интеракционизма) позволяет сделать вывод о необходимости признания совокупности свойств, принадлежащих субъекту в процессе персональной идентификации. Отмечается наличие как сугубо самостийных

свойств, присущих самому человеку, так и тех, что навязаны персоне со стороны социальной системы, а значит, вынужденно присвоенных на основании требований коллективной интеракции. Проводимое разделение на персонально и социально детерминированные признаки приводит к признанию факта конструктивной природы персонального Я как предмета идентичности.

Однако представленные выше подходы к проблеме личностной идентификации, несмотря на их общие черты и различия, представляются неэффективными в решении вопроса реализации процесса достижения самоидентичности в условиях современного цифрового общества. Заранее заданные свойства самости личности в быстро меняющихся условиях часто утрачивают потенциал социализации и адаптации к актуальным реалиям. Вместе с тем во всех обозначенных концепциях понимания персоны и ее идентичности имплицитно содержится положение о нормативных основаниях персональной идентификации, выраженное в идее необходимости согласования, совмещения в личностном существовании индивидуальных и коллективных свойств человека.

На этом основании продуктивным представляется утверждение о детерминации нормативными основаниями бытия личности ее персональной идентичности. Благодаря усвоению нормативных оснований в процессе социализации личность формирует собственную самоидентичность путем принятия конкретных регламентирующих её социальное бытие статусов и ролей. Для эффективного решения выявленной проблемы необходимо сформировать представление о сущности нормы.

Во втором параграфе первой главы «Понятие нормативности: сущность и подходы к описанию» анализируется содержание понятия нормативность, под которым следует понимать выражение способности человека к реализации собственной преобразующей природы через закрепление идеалов и ценностей, к которым стремятся субъекты общественных отношений. Нормы суть образцы, необходимые для оценки поведения людей, то есть выражение такой способности.

Существует два значения понятия «норма». Одно из них носит естественно-научный характер и состоит в том, что она есть средняя величина чего-либо, выражающая массовую совокупность случайных событий, явлений и т.д. Так понимаемая норма содержит знание о сущем, имеет экзогенный характер и представляет собой внешнюю, налагаемую извне, систему оценок, критериев поведения.

Другое значение понятия «норма» выражает общее правило, коему необходимо следовать во всех подобных случаях. Нормы суть суждения, несущие в себе знания о должном, требования, регулирующие и определяющие должное с точки зрения коллектива. Будучи эндогенным свойством человека, нормы содержат в себе утверждение образца желательного поведения в форме императивов различного уровня.

Норма, будучи социальным феноменом и выражением преобразующей и конструктивной сущности человека, есть средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и

положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности, а также их реализации в повседневной жизни в обществе. Она есть возможность снятия столкновения социальных ожиданий и индивидуальных устремлений и потенций путем конвенции по поводу единых стандартов поведения человека. Норма, таким образом, суть возможность достижения (конструирования) компромисса между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющим обеим сторонам социального процесса реализовать свои требования и ресурсы.

С нашей точки зрения социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, поскольку определяет содержание социального начала в человеке. Последнее же может быть понято как свойство человеческой природы, задающие (конструирующее) самые общие принципы бытия человека как существа социального. Анализ натуралистической, социологической и нормативистской концепций нормы позволил вывести эволюционный принцип развития нормы, который состоит, как видится, в переходе социальных норм от аскриптивности (нормы как выражения сущего) к дескриптивности (нормы как выражения должного). Причинами такого перехода можно считать возрастающую независимость общества от природных факторов за счет развития технических средств. Происходит трансформация общества из его закрытого состояния, основанного на подчинении природе, в открытое, основанное на покорении природы. Результатом такого перехода можно считать уменьшение объема аскриптивных и увеличение дескриптивных норм.

Выведенный эволюционный принцип предполагает невозможность полного исключения аскриптивных норм, поскольку для корректного существования общества необходимо минимальное количество обязывающих требований к поведению человека. Однако можно утверждать, что для современного общества характерна тенденция, результатом которой может стать такое положение дел в обществе, при котором социальная нормативность будет включать в себя минимально необходимые аскриптивные нормы, все остальное будет нормироваться дескриптивными принципами.

В третьем параграфе первой главы «Идентификация нормативности и нормативность идентификации» показано, что проблема соотношения нормативности и персональной идентификации может быть решена через выделение экзогенной и эндогенной нормативности в социальном бытии и идентичности персоны. Эндогенная нормативность – это отождествление персоны с системой норм и набором свойств, формируемых на ее фундаменте. На основании реализации представленного процесса личность достигает полноценной самореализации. Экзогенная нормативность понимается как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые. Первый термин позволяет выразить индивидуальное соотношение персональной идентичности и нормативности, в то время как второй термин позволяет описать социальную их составляющую как сферу критериев приемлемости социального бытия человека.

Существенным представляется несводимость эндогенной нормативности к ее экзогенному инварианту, что дает основание говорить о ее самостоятельности. Как следствие, возникает необходимость коммуникационного взаимодействия между двумя видами нормативных оснований персональной идентичности.

Поскольку норма предполагает возможность достижения компромисса между индивидуальным и коллективным, два данных понятия позволяют указать возможность согласования персональных интересов и общественных требований в процессе формирования персональной идентичности человека.

Выявленные понятия предполагают наличие аскриптивных и дескриптивных норм в бытии персоны. Логика выведенного нами эволюционного принципа развития социальной нормативности содержит в себе идею изменения пропорции их соотношения в бытии человека, выраженное в постепенном уменьшении количества предписывающих и увеличении описывающих норм, с которыми себя идентифицирует личность. Эта закономерность позволяет в максимально полной мере отразить персональную способность человека к самоопределению, оставив основания для коллективного взаимодействия.

Отметим возможность наступления негативных последствий полного исключения аскриптивных норм из персонального бытия личности в обществе, что детерминируется отсутствием механизмов обязывания соблюдения персоной социально необходимых моделей поведения, что приводит к невозможности корректного совместного существования множества персон как социальных субъектов.

Одним из способов минимизации обозначенных негативных последствий может стать использование практик согласования интересов. Социальные институты всех уровней и возможностей позволяют сформировать гибкую систему регламентации образцов поведения персоны, что дает возможность использовать иные, более современные формы и способы творения и поддержания приемлемых образцов социального поведения, тем самым создав более эффективные принципы построения идентичности, основанной на эндогенной нормативности. Это может привести к достижению согласия интересов между обществом и персоной, между множеством персон как элементов социальной ткани, что в свою очередь дает весомое основание для достижения персональной самореализации в форме личностной эндогенной нормативности.

Вторая глава диссертации «Нормативность личности и коммуникация» посвящена анализу содержания понятия «коммуникация», а также коммуникационных оснований интересубъективных отношений. Выделяется двуединая нормативная природа коммуникационного процесса, выраженная в единстве экзогенных и эндогенных норм как основание достижения устойчивости процесса персональной идентификации, а также взаимовыгодного взаимодействия между участниками социальной интеракции.

В первом параграфе второй главы «Коммуникация и социальная нормативность: от понятия к практике» утверждается, что необходимость

достижения согласия интересов между обществом и персоной может быть реализована на основании коммуникации, под которой понимается внешняя, выраженная в социально приемлемых формах, приемах и способах, совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами. Коммуникацию необходимо отличать от сигнальных форм трансляции информации, которые позволяют согласовывать взаимодействие элементов биологической системы как на уровне отдельного индивида, так и межсубъектной интеракции. Отличие коммуникации как социального феномена состоит в ее рациональности и целенаправленности. Коммуникацию следует понимать в качестве вида общения как процесса взаимоотношения социальных субъектов, в котором они обмениваются опытом. Различие между общением и коммуникацией состоит в том, что под первым понятием выражается совокупность эндогенных форм взаимодействия участников социальной интеракции, а под вторым – информационно-инструментальное взаимодействие, отражающее экзогенные формы такой интеракции.

В рамках коммуникативных практик и общения формируется двуединный процесс, связанный с реализацией нормогенеза, с одной стороны, и обменом, передачей и усвоением существующих норм – с другой. Первый элемент связан с процессом происхождения и формирования экзогенных норм, что позволяет транслировать социально значимые свойства отдельным личностям как участникам социальной интеракции. Другой элемент выражает интериоризацию личностью имеющихся норм, создание персоной эндогенной нормативности для формирования персонально значимых свойств.

Экзогенная нормативность определяет возможность коммуникативной деятельности благодаря регламентации внешних форм трансляции информации. Отсутствие или неполноценная реализация совокупности таких норм затрудняет или делает невозможной коммуникативную деятельность персоны. Эндогенная нормативность определяет способность самовыражения персоны и основанную на ней способность к обмену информацией между участниками коммуникативного процесса. Единство двух выделенных нормативных оснований дает возможность прийти к социальному соглашению, целью своей имеющего достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами – участниками коммуникации, а также взаимного понимания между ними.

Во втором параграфе второй главы «Персональная идентификация в системе «Я – Другой: проблема нормативности и общения» доказывается, что проблема персональной идентификации в системе «Я – Другой» может быть решена через признание двух взаимодополняющих оснований: пассивного и активного синтеза нормативных оснований бытия отдельных субъектов. Первый выражается в эндогенной нормативности, второй – в ее экзогенном аналоге. Активный синтез может быть трактован двуединным образом. Направленный идентифицирующим субъектом на себя, он позволяет определить основные принципы экзогенной нормативности идентификации личности, формируя в ней саму себя. Направленный вовне, то есть на признание Другого, активный синтез оказывается истоком признания внешнего

существования субъекта, тела человека. Экзогенная природа нормативности, заложенная в активном синтезе, может сделать невозможным сохранение за конституируемым субъектом личности по причине навязывания модели идентификации конституирующим воспринимающим субъектом.

Пассивный синтез позволяет увидеть в Другом равного субъекта, личность, поскольку содержит в себе эндогенные нормативные основания совместного бытия, которые позволяют определить общекультурные, цивилизационные, а также иные нормы персональной идентификации. Представленный процесс позволяет каждой личности установить свое место в структуре социальных, культурных, исторических и прочих интеракций, достигнуть персональной идентичности.

Пассивный синтез в системе «Я – Другой» позволяет использовать ресурсы эндогенной нормативности для сохранения общесоциальных оснований intersубъективных отношений. Это дает возможность реализовать персональную идентификацию благодаря сохранению общих принципов совместного существования личностей. Такие нормативные основания приводят к сохранению различных способов и форм коммуникации между Я и Другим в системе intersубъективных отношений. Сохраняются единые значения, принципы и нормы, определяющие возможность взаимодействия и коммуникации между Я и Другим и позволяющие достигнуть персональной идентификации каждым из взаимодействующих субъектов.

Единство эндогенной и экзогенной нормативности дает возможность достигнуть устойчивости процесса идентификации личности, а также избежать множества издержек столкновения интересов социальных субъектов. Такая идея фундирует адаптацию экзогенной идентичности к эндогенному бытию отдельной личности. Таким образом, появляется основание для формирования и реализации коммуникативного процесса между Я и Другим, что фундирует полноценно реализовывать нормативно детерминированный процесс идентификации каждой личности.

Третья глава диссертации «Нормативность в практическом бытии личности» содержит в себе анализ содержания понятия «практика», ее социальной природы. Выявляется нормативная и коммуникационная природа практик гендерной и политической персональной идентификации.

В первом параграфе третьей главы «Социальные практики и персональная идентификация: нормативное измерение» показывается, что понятие «практика» выражает деятельность человека, направленную на преобразование окружающей действительности. Так понимаемая практика имеет социальную и рациональную природу и выражает способность человека к целеполаганию, а также к стремлению достигнуть желаемого результата. Она детерминирована экзогенной и эндогенной нормативностью, причем первая выражает социально-этическую сторону практического действия и реализуется в наличии внешних требований к человеческой деятельности, вторая же дает возможность выразить индивидуальную способность человека к совершению практических действий.

Через понятие «социальная практика» категоризируется адаптация преобразовательных действий человека к повседневности, социальному контексту. Содержание понятия «социальная практика» включает в себя необходимость соединения экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующих формы и методы достижения персональной идентичности. Первый вид нормативности позволяет выразить совокупность требований к социально значимым регулярно повторяющимся действиям субъектов интеракции как основания формирования общества, а также средства его трансформации. Второй вид нормативности как компонент социальных практик дает возможность продемонстрировать индивидуальные интенции личностей к самореализации и достижению персональной идентичности.

Как следствие, социальные практики персональной идентификации имеют двуединую нормативную природу, поскольку позволяют персоне использовать социально приемлемые модели поведения для адаптации к актуальным условиям социального бытия. Реализуется возможность согласования поведения персоны, основанного на эндогенной нормативности, с экзогенными требованиями социальной системы. Иными словами, у персоны возникает возможность соотносить собственное поведение с имеющимися представлениями об общественном устройстве и формировать социально приемлемые модели персонального поведения

Необходимо отметить ряд тенденций трансформации социальных практик в современном обществе и соответствующих им форм персональной идентификации. К таковым можно отнести стандартизацию, выраженную в совокупности упрощенных форм персональной идентификации, массовизацию, выраженную в тиражировании стандартных моделей социального поведения человека. Важно говорить о виртуализации социальных практик, выраженной в переходе на новые, цифровые формы действия персоны и способы подтверждения личности человека. Кроме того, значимой представляется симулякризация социальных практик и форм персональной идентификации, выраженной в реализации действий по подмене действительного положения вещей и достижению ложной формы персональной идентификации. Принципиальным в каждой из тенденций оказывается доминирование экзогенной нормативности над эндогенной, что не позволяет в полной мере достигнуть именно персональных форм идентичности личности. Происходит заимствование субъектом принципов организации практик персональной идентификации извне без создания собственных аналогов и способов самовыражения.

Во втором параграфе третьей главы «Нормативность и практики гендерной идентификации» высказывается положение о том, что формирование гендера основано на социальных, экономических и психологических основаниях, предполагающих использование образа важности, значимости определенных моделей поведения, что дает возможность сформировать представления субъекта о желательности реализации индивидуальных и коллективных практик действия. На закреплении психологических, социальных, экономических ценностей формируется

гендерная идентичность личности, в соответствии с которыми персона получает возможность вступить в систему семейных, брачных и иных связей и отношений.

Нормативная природа гендерной идентичности личности выражается в единстве экзогенной и эндогенной нормативности. Первая состоит в совокупности внешне (социально и экономически) детерминированных требований к социально значимому поведению персоны, что определяется стремлением к стабильности общественной системы. Формирование гендерной идентификации позволяет персоне усвоить необходимые стереотипы поведения и мышления, и, в свою очередь, сократить затраты на познание современных социальных процессов и оптимизировать процесс принятия нужных решений. Кроме того, данные стереотипы служат основанием для оптимизации взаимодействий участников социальной интеракции. Усвоение гендерных стереотипов поведения и практик персональной идентификации делает возможной выработку сходных ценностных ориентаций, позволяющих транслировать культурно-исторический опыт.

Эндогенная нормативность персональной гендерной идентичности фундирует способности личности к самовыражению в системе гендерных статусов и ролей. Благодаря усвоению психологических оснований соответствующих форм идентичности становится возможным выбор личностью приемлемых моделей поведения, которые в полной мере помогают ей выразить персональные интенции.

Практическая реализация выведенного эволюционного принципа трансформации нормативного основания практик персональной идентификации дает возможность сделать вывод о смещении в условиях современности в сторону приоритета, доминирования эндогенных норм персональной идентичности над экзогенными, что приводит к изменениям в статусно-ролевой гендерной самоидентичности персоны.

В третьем параграфе третьей главы «Коммуникативная и нормативная природа политической идентичности и идентификации личности» констатируется, что под политической идентичностью персоны следует понимать соотнесенность граждан с политическими институтами и ее вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие. Представленные свойства личности дают возможность относить ее к воображаемым сообществам, принципиальные свойства которых закрепляются в ключевых нормативных и доктринальных документах государства и становятся элементом общественного сознания его граждан. Персональная политическая идентичность выражает личностные предпочтения человека, отражает его устремления и стремление определить свое место в социальной и политической структуре общества и государства. Таким образом, политическая идентичность личности представляет собой единство коллективного образа политического бытия и субъективного самосоотнесения личности с ним.

Политическая идентичность личности имеет нормативную природу, выраженную в единстве экзогенных и эндогенных норм. Первые формируются в процессе проводимой в государстве политики идентичности и детерминируют

достижение персоной формально закрепленных статусов и ролей в политическом сообществе. Вторые реализуются в форме эмоционального переживания своей принадлежности к социально-политической группе, основанном на создании ценностного смысла группового членства. Нормативная природа политической идентичности персоны транслируется на основании ресурсов воображаемых сообществ, частью которых личность себя считает. Наиболее важным результатом данного процесса представляется гражданская идентичность, предполагающая нормативную детерминацию персональных свойств. Последняя выражена в единстве экзогенной (правовой) и эндогенной нормативности, состоящей в эмоциональном переживании ценности причастности к гражданскому сообществу.

Персональная политическая идентичность имеет коммуникативную природу. Одна ее сторона суть результат пассивного восприятия персоной регламентирующего влияния политико-правовых норм. Личность получает сообщение о совокупности допустимых, желательных образцов и моделей поведения и транслирует информацию о них в форме реализации своих социальных практик в политической сфере. При этом экзогенно закрепляются нормативные основания таких практик, что приводит к возможности формирования личности как субъекта – участника политического процесса.

Другая сторона коммуникативной природы политической идентичности персоны состоит в вовлеченности личности как активного актора в сферу публичной политики и ее способности сообщать, транслировать значимую информацию целому сообществу, влиять на формирование политически значимых решений. Кроме того, коммуникативная природа политической идентичности персоны как активного субъекта политических отношений предполагает возможность выработки множества моделей и форм персональной идентичности, которые могут быть использованы на практике отдельной личностью для реализации политической социализации.

В **Заключении** представлены основные выводы и обозначены перспективы дальнейших исследований по теме диссертации.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, посвященных избранной проблеме исследования

в изданиях, отнесенных к категории К-1, К-2 и индексируемых в RSCI

1. Ерохин, В.С. Проблема личностной идентификации: релятивизм / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 27–32.

2. Ерохин, В.С. Любовь как экзистенциальное основание диалоговой формы личностной идентификации / В.С. Ерохин // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 3 (118). – С. 476–480.
3. Ерохин, В.С. Социальная нормативность и персональная идентификация: соотношение понятий и практическая реализация / В.С. Ерохин // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13, № 5. – С. 125–129.
4. Ерохин, В.С. Эволюционность развития социальных норм: от аскриптивности к дескриптивности / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, вып. 3. – С. 250–270.
5. Ерохин, В.С. Идентификация нормативности в нарративном подходе: преимущества и недостатки / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 188–194. (доля автора – 0,4 п.л.).
6. Ерохин, В.С. Коммуникация как социальный феномен / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 500–504. (доля автора – 0,25 п.л.).
7. Ерохин, В.С. Соотношение нормативности и коммуникации в бытии личности / В.С. Ерохин // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 5. – С. 18–24.
8. Ерохин, В.С. Социальные практики и персональная идентификация / В.С. Ерохин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – № 4. – С. 145–157.
9. Ерохин, В.С. Персональная идентификация, нормативность и коммуникация в системе «Я – Другой» / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 1867–1871. (доля автора – 0,25 п.л.).
10. Ерохин, В.С. Симулякризация практик персональной идентификации / В.С. Ерохин // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 12. – С. 2700–2703.
11. Ерохин, В.С. Тенденции трансформации социальных практик и персональной идентификации / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, вып. 1. – С. 9–13.
12. Ерохин, В.С. Нормативная природа гражданской идентичности / В.С. Ерохин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2022. – № 1. – С. 123–132.
13. Ерохин, В.С. Философско-политический анализ понятия политической идентичности личности / В.С. Ерохин // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 2 (94). – С. 31–36.
14. Ерохин, В.С. Коммуникационная природа политической идентичности как основание участия личности в публичной политике / В.С. Ерохин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 127–133.
15. Ерохин, В.С. Нормативная природа правовой коммуникации / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 140–154. (доля автора – 0,4 п.л.)

16. Ерохин, В.С. Нормативная природа персональной идентификации / В.С. Ерохин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 77–83.

17. Ерохин, В.С. К вопросу о понятии национальной идентичности / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, вып. 3. – С. 274–278.

18. Ерохин, В.С. Анормативность как результат травмы персональной идентификации / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 467–471. (доля автора – 0,25 п.л.).

в изданиях, отнесенных к категории К-3

19. Ерохин, В.С. Сущность и структура национальной идентичности России / В.С. Ерохин // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2024. – Т. 6, № 4. – С. 44–49.

в изданиях без категории

20. Ерохин, В.С. Подходы к трактовке личностной идентификации: субстанциализм, конструктивизм и социальный интеракционизм / В.С. Ерохин // Вестник развития науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 92–99. (включен в перечень ВАК до 26.03.2019).

Публикации в других изданиях

21. Ерохин, В.С. Реализация властных отношений в обществе потребления / В.С. Ерохин // Эволюция научной мысли: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (21 февраля 2014 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 183–189.

22. Ерохин, В.С. Симулякр: сущность и значение / В.С. Ерохин // Актуальные вопросы развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (14 февраля 2014 г.): в 6 ч. Ч. 5. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 210–214.

23. Ерохин, В.С. Конструктивистское понимание проблемы личностной идентичности / В.С. Ерохин // Мир человека: нормативное измерение – 4. Гуманитарное знание: сб. тр. междунар. науч. конф. (Саратов, 4–6 июня 2015 г.). – Саратов: КУБиК, 2015. – С. 131–139.

24. Ерохин, В.С. Трансформация социальных практик в условиях современного общества / В.С. Ерохин // Наука и современность: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 5 июня 2015 г.): в 2 ч. Ч. 2. – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. – С. 18–20.

25. Ерохин, В.С. Необходимость созерцания в процессе личностной идентификации / В.С. Ерохин // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 85-летию Сарат. гос. юрид. акад. (в рамках VII Саратовских правовых чтений). – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2016. – С. 658–659.

26. Ерохин, В.С. Интерсубъективные основания диалога как формы личностной идентификации / В.С. Ерохин // Мир человека: нормативное измерение – 5. Постижение нормативности и нормативного познания: сб. тр. Междунар. науч. конф. (г. Саратов, 12–14 июня 2017 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад. – 2017. – С. 124–129.

27. Ерохин, В.С. Пол, гендер, феминизм: к вопросу о причинах возникновения проблемы гендерной идентичности / В.С. Ерохин // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 8 октября 2017 г.): в 2 ч. Ч. 2. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – С. 87–92.

28. Ерохин, В.С. К вопросу о свойствах гендерной идентичности / В.С. Ерохин // Совершенствование методологии познания в целях развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 октября 2017 г.): в 2 ч. Ч. 2. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – С. 97–101.

29. Ерохин, В.С. Идентификация нормативности и нормативность идентификации // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сб. тр. Междунар. науч. конф. (г. Саратов, 27–29 июня 2019 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2019. – С. 340–345.

30. Ерохин, В.С. Декриминализация правовых норм как выражение эволюционного принципа развития социальных норм / В.С. Ерохин // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: коллективная монография: в 2 т. / под ред. Н.Н. Ковалёвой. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2020. – С. 39–42. (доля автора – 0,5 п.л.).

31. Ерохин, В.С. Натуралистическая концепция норм / В.С. Ерохин // Роль инновации в трансформации и устойчивом развитии современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Калуга, 5 апреля 2020 г.). – Уфа: АЭТЕРНА, 2020. – С. 85–88.

32. Erokhin, V.S. Gender as a factor of normalization of personal identity in feminism / V.S. Erokhin // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – № 120. – P. 730–737.

33. Ерохин, В.С. Персональная идентификация, коммуникация и нормативность в системе «Я – Другой» / В.С. Ерохин // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: сб. тр. Междунар. науч. конф. (г. Саратов, 7–9 июня 2021 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. – С. 91–99.

34. Ерохин, В.С. Социальная нормативность и персональная идентификация / В.С. Ерохин // После постпозитивизма: сб. науч. ст. – М.: Русское общество истории и философии науки, 2022. – С. 177–180.

35. Ерохин, В.С. Коммуникационная природа практик персональной идентификации / В.С. Ерохин // Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций / под ред. Н.Н. Ковалёвой. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. – С. 58–

63. (доля автора – 0,5 п.л.).

36. Ерохин, В.С. Политика идентичности в России в условиях цифровизации: проблемы и перспективы / В.С. Ерохин // Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций / под ред. Н.Н. Ковалёвой. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2023. – С. 28–38. (доля автора – 0,5 п.л.).

37. Ерохин, В.С. Аномалии политики идентичности / В.С. Ерохин // Мир человека: нормативное измерение – 8. Анормальное: сб. тр. конф. (г. Саратов, 8–10 июня 2023 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2023. – С. 393–402.

38. Ерохин, В.С. Ценностные конфликты персональной идентификации в системе «Я – Другой» / В.С. Ерохин // Мир человека: нормативное измерение – 9.0. Анормативное: pro et contra: сб. тр. конф. (г. Саратов, 5–7 июня 2025 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2025. – С. 173–185.